

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 392+7.031
DOI 10.5281/zenodo.18399682

Гучева А. В., Марченко О. А.

Гучева Анджела Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», д. 18, ул. Пушкина, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия, 360000. E-mail: anggucheva@mail.ru.
Марченко Оксана Александровна, старший преподаватель Северо-Кавказский государственный институт искусств, д. 1, пр. Ленина, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия, 360000. E-mail: ksany@mail.ru.

Образы и символы архаичной музыки черкесов (адыгов)

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию архаичной музыки, где она рассмотрена не как застывший текст, а как самостоятельная культурная единица традиции, связанная с миром природы, миром божеств и миром человека. Главной целью данного исследования явилось воссоздание этноментальной картины культовых действ адыгов, где архаичная музыка рассмотрена как культурный, этнографический и исторический образ, символ и знак традиции. Научная новизна заключается в новом подходе к изучению архаичной музыки, где она выступает сжатым зашифрованным мифом, который сохраняет зашифрованную связь с природными стихиями и культурной информацией мира божеств. Выявлено, что оригинальная архаичная музыка как музыкальный язык, культурный образ и символ, выступила особым кодом для воссоздания древних страниц обрядовой культуры черкесов (адыгов), а в своем символическом, образном и аудиальном воплощении она выполняла медиаторскую функцию между мирами.

Ключевые слова: черкесы, адиги, архаичный ритуальный наигрыш, образ, символ, знак.

Gucheva A. V., Marchenko O. A.

Gucheva Angela Vyacheslavovna, PhD in History, Associate Professor, Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Research – Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, 18 Pushkin Street, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia, 360000. E-mail: anggucheva@mail.ru.

Marchenko Oksana Aleksandrovna, Senior Lecturer, North Caucasus State Institute of Arts, 1 Lenin Avenue, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia, 360000. E-mail: ksany@mail.ru.

Images and symbols of Circassians (Adyghe) archaic music

Abstract. This article examines archaic music, examining it not as a static text but as an independent cultural unit of tradition, connected to the natural world, the world of deities, and the human world. The primary goal of this study was to reconstruct the ethno-mental picture of Adyghe religious practices, examining archaic music as a cultural, ethnographic, and historical image, a symbol, and a sign of tradition. The scientific novelty lies in the new approach to the study of archaic music, where it functions as a compressed, encrypted myth that preserves an encoded connection with the elements of nature and the cultural information of the world of deities. It is revealed that original archaic music, as a musical language, cultural image, and symbol, served as a special code for recreating ancient pages of Circassian (Adyghe) ritual culture, and in its symbolic, figurative, and auditory embodiment, it served as a mediator between worlds.

Key words: Circassians, Adyghe, archaic ritual music, image, symbol, sign.

В связи с вхождением проблем экологии музыки в число общекультурных тем XXI века и в систему «Человек» — «Природа» — «Общество», в музыкальном искусстве выделяется «особый» пласт текстов, воплощающих специфическую сферу образности, связанную с экологической тематикой в мифотворчестве. Наблюдаемый в данных музыкальных текстах процесс корреляции не только на уровне содержания, но и на уровне звуковой реализации обусловили цель данного исследования — выявить истоки темброво-акустического комплекса средств и семантической реализации образно-знаковой сферы музыки в освоении мира природы, мира божеств и природного материала. Это позволит определить звуковой идеал, смысловую многомерность и генетическую предопределенность истоков архаической музыки в процессе ее включенности в «резонансное пространство» «чистой» природы.

Для того чтобы выразить невыразимую связь между экологией и архаичной музыкой, мы будем прибегать к методу суггестивного зрительно-ассоциативного и темброво-акустического восприятия звучащей музыки в сочетании с экологическим мифологическим сознанием адыгов. В этой связи подобный стиль рассуждений порой может не соответствовать устоявшейся простоте исследования.

Материалом исследования служат сохранившиеся образцы архаичной му-

зыки: аудиозаписи фольклорно-этнографических экспедиций, рукописный фонд ИГИ КБНЦ РАН, изданные издания, в частности сборники «Нарты» [4] и «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» [3], которые привлекаются систематически и выступают в качестве аутентичного фона мифа и дополняют данные по древней музыкальной традиции и культуре черкесов (адыгов). Выбор этих образцов музыки в качестве источника продиктован тем, что они являются наиболее архаичными текстами, отражающими мифологическое видение мира, которые опираются на языческие представления и позволяют проследить формирование основных понятий соответствующей модели картины мира, ведь языческая мифология, бесспорно, сохранила свою значимость в культуре черкесов (адыгов), создав благоприятные предпосылки для консервации музыки как архаического мировоззрения.

Архаичная музыка — это образ и акустический код традиции, культуры, искусства с высоким жизненным и эстетическим потенциалом, как бы изначально предполагающим прием развернутой и колоритной звуковой корреляции пространства и времени во взаимосвязи с определенным уровнем сознания человека. Именно «создав» музыку и изобретя музыкальный инструмент, человек ощущал себя «творцом» мира природы и, предпринял множество попыток познать себя как творца. Для человека музыка

стала интеллектуальным и звуковым кодом, эмоциональной средой и творческой лабораторией-коммуникацией, создающей мир вторичных образов, смыслов, знаков, систем и понятий в момент взаимодействия с миром природы и миром божеств.

Архаичная музыка была связана с богами и покровителями мифа, природными духами, космическими элементами и космическими темами, с определенными сезонами и точным временем суток, биopsихическими состояниями животных и человека, где кульминационным моментом стало оккультурирование природного звука и создание искусственного «сакрального» языка, что позволило человеку получить власть над природой и ее стихиями. Жажда власти, желание в любое время создать сакральное и великая интуиция привели человека к сотворению музыки, которая лилась из свирели, которую ему дали боги, а неисчерпаемая энергия и сила музыки, позволила человеку вести диалог с миром божеств и миром природы.

Волшебная свирель — камыль, мыслилась в мифотворчестве помощницей одного из наиболее почитаемых божеств пантеона, бога растительного мира, плодородия и покровителя хлебопашства Тхаголеджа (Тхъэгъэлэдж): «...один конец у свирели был белый, другой — черный. Песня, что лилась через белый конец, не похожа на ту, что лилась через черный. Дует Ашамаз в белый конец, и жизнь становится цветущей, изобильной, а подул бы в черный — исчезла бы радость на земле, повяли бы травы, погибли бы люди и животные» [2, с. 259]. В другом сюжете элиминированный природный звук свирели наделяется не только живительной и разрушающей силой, но и предрекает «справедливость». Показательно, что загадочная и животворная сила музыки, внезапно одушевляющая природу, выдает и свою смертоносную враждебность ко всему живому. Ее цель не только оживить, возродить, дать новую жизнь, но и умертвить, разрушить,

забрать с собою в хаос, уничтожить все живое.

Мысль о том, что музыка способна воздействовать и влиять на окружающий мир и стихии природы двигала человека к новым открытиям с фантастической об разностью, иллюзорностью, зрелищностью, многослойными повышенно-ассоциативными образами, скрытыми и преломленными в мире человека, но в тоже направленных на опосредованную систему отношений между мирами в пределах традиции морально-назидательной мысли. И еще более рискованная, если и не вовсе не сомнительная задача, которую себе наметил человек, была связана с желанием с помощью музыкальных средств воссоздать стихии природы и существенные элементы указанных миров как объектов мифотворчества. Именно адыгская свирель — *камыль* (къамыл — каб.-черк.; *Scirpus lacustris* — камыш озёрный), смогла воплотить в себе образы природы, культ Неба (Уафэ), Солнца (Дыгъэ) и Луны (Мазэ), которые ассоциировались с источником жизни, света, плодородия, а значит под их покровительство попали земля, вода, человек, животные, природные стихии, погода и фактически все пространство. *Камыль* (къамыл — каб.-черк.; *Scirpus lacustris* — камыш озерный) — это старинная адыгская свирель традиционно изготавливается из камыша, а в более позднее время из ружейного ствола; где и имя и внешний вид отправные точки экзегезиса музыкального инструмента [2, с. 655–656]. Ствол камыля цилиндрический или, чаще, конусообразный, несколько сужающийся к нижнему концу, — в зависимости от материала, из которого он сделан. У нижнего конца располагаются два-три игровых отверстия. Камыль также изготавливают из тростника, дерева или железа. Деревянный камыль делают из цельного гладкого прута кустарниковой поросли, к примеру, молодой поросли фундука. Ровную ветку разрезают пополам, вынимают сердцевину (в основном сердцевину выжигают проволокой) и

скрепляют обе половинки с помощью коры дикой черешни или фундука [2, с. 655]. Околдованная чарующими звуками свирели природа буквально завораживала все живое на земле и оставалась непостижимой загадкой. И недаром идеалом «созданного» человеком искусственного сакрального до сих пор остаются два адыгских пастушеских ритуала — посвящения покровителю мелкого рогатого скота Амышу (Амыщ) с одноименными им наигрышами — «Мэлгъажъэ» (выгон овец на пастбище) и «Мэлгъэжей» (отхождение отар ко сну отар овец). Сведения о данных ритуалах весьма скучны, лишь в монографии А.Т. Шортанова «Адыгская мифология» [8, с. 93] и А.В. Гучевой «Картины мира черке-

сов (адыгов): музыка, танец, слово» [1, с. 70–75] мы встречаем упоминания о них, тогда как в первом томе многотомного издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» [3] сохранились транскрибированные тексты наигрышей.

Тихий и приглушенный тембр свирели, медленный темп, низкий регистр, множество трелей в наигрыше «Мэлгъажей» передают состояние умиротворения и покоя, отождествляя своими звуками ночь. Наигрыш «Мэлгъажей» является отражением мифа о дремоте, где звучащий наигрыш выступает образом, символом и аудиальной иллюзией ночи, который оформляется в самостоятельную музыкальную картину ночного неба.

Рис. 1. «Мэлгъажей» (ритуальный наигрыши отходящения отар овец ко сну) (кабардинский) [6]. Нотация А.В. Гучевой

Подобного рода мелодия подводит нас к мысли, что человек пытался украсить окружающий мир, чтобы показать божественному миру, что созданное искусственное «природное» звуками свирели, является для него важным действом. Яркие акустические эффекты были обращенных к небу, звездам, луне, миру

божеств, подчеркивает эту ожившую красоту мира природы, но столь же стремительно ускользающую и иллюзорную в момент окончания звучания наигрыша. Создают эту красочную акустическую иллюзию характерные в наигрыше элементы и среди них мы можем выделить низкий тембр, особый ритм, множество

трелей, метричность, периодичность и множественность повторов, которые стали способны по аналогии повтора смогли передать столь же разумеренные природные процессы и явления как смена дня и ночи. Регулярное звучание наигрыша стало ассоциироваться с природными реалиями, мыслиться как звук, образ и символ природы, а время и пространство, которое охватывал наигрыш, стали тождествами божеств и природы.

Рядоположные картины мифотворчества, рисуемые в мифе, — небо, земля, звезды, ослепляющий солнечный цвет,

земля и др. — все это не просто объекты мифа, а место уготованное и подобающее во Вселенной, где звучащая музыка стала способна карать и защищать, даровать жизнь и, даже наделить ее жизнью в «новой» вечности, запечатлеть эти связи с выработанными в рамках данной традиции принципами изображения.

Идеалом светлых и активных сил Неба выступила спокойная, ритмически свободная, с элементами полетности в высоком регистре мелодия наигрыша «Мэлэгъажъэ».

Рис. 2. «Мэлэгъажъэ» (Наигрыш вывода отар овец на пастбище) (кабардинский) [7].
Нотация А.В. Гучевой

Ее звучание в мифотворчестве основано на полемическом противопоставлении в мире природы: день — ночь, солнце — луна, жизнь — смерть, лето — зима, земля — небо и т. д. Образы природы и божественного мира взаимодействуют с миром человека, а создаваемые с каждым новым звучанием наигрыша сакральное пространство ритуала, продолжает порождать новые образы, символы и смыслы миров, тем самым намекая на предельную изменчивость их «прочтения». Но, несмотря на неустойчивость и подвижность звуки ритуального наигрыша «Мэлэгъажъэ» вновь и вновь сопровождали отары овец на пастбище и, как отметил А.Т. Шортанов: «стоит только начать наигрыш, как тут же, с первыми

его звуками отара трогается без каких-либо окриков или других действий [8, с. 93]. Возможно, этот наигрыш имел «магическое значение для чабанов, и он, по-видимому, связывался с именем Амыша» [8, с. 93].

Наигрыш «Мэлэгъажъэ» создал основу для оформления новых образов мира природы — это образы рассвета, солнца, жизни и, даже сакральной смерти, тем самым заложив основу ментальности в мифотворчестве. С другой стороны, — это «крождающая» сила с элементами целительства и новой жизни, которая создавала порядок и гармонию не только в мире человека и природы, но и в мире богов, где принцип Космичности и комплексы представлений сохраняются по

сей день, а значит, человек совершил «важнейшую космогоническую операцию отделения, равноценную уничтожению хаотического начала и способствующую космизации Вселенной» [5, с. 20].

Таким образом, звучание наигрыша «Мэлгъажъэ» и «Мэлгъэжей», заставляют работать законы вселенной, которые были отмечены в древности, запечатлены в практике; а звуки мелодии — «живая связь идей» и особый вид мифического сознания, ее развития претворенного в музыкальной картине мира черкесов (адыгов). Оба наигрыша «Мэлгъажъэ» и «Мэлгъэжей» сохранили связь с космологическими традициями, прибегают к сверхбожественной и сверхприродной образной символике, стремясь передать репрезентативный смысл и связь образов, символов и знаков универсума.

В мифотворчестве одноименные наигрышам ритуальные действия «Мэлгъажъэ» и «Мэлгъэжей» были ориентированы на коммуникативные отношения с миром божеств и миром природы, а значит, звуки музыки выполняли

несколько функций: во-первых, звучащий наигрыш мог изобразить процесс рождения и момент сакральной смерти, который мы мыслим как идеальный *смыслокод* мифа. Во-вторых, звуки свирели транслировали цикличность мира природы, выраженную в смене ночи и дня; это можно обозначить как *образ-код* мира природы. В-третьих, звук и тембр наигрыша на камыле формируют тембромотив в мифологической и музыкальной картинах мира черкесов (адыгов), что выступает элементом сакрализации божественного и природного в мире человека.

С одной стороны, мелодии наигрышей «Мэлгъажъэ» и «Мэлгъэжей» мы можем трактовать как высокое искусство и эволюцию музыкального, которое стало способно выстраивать собственные законы в мире природы, с другой стороны, они эстетически украсили мир божеств, мир природы и, конечно же, мир человека, где звуковые миры наигрышев стали акустическим выражением Солнца и Луны, Неба и Земли, дня и ночи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гучева А.В. Картины мира черкесов (адыгов): музыка, танец, слово. Москва: ООО «Научтехлитиздат», 2020. 216 с.
2. Гучева А.В. Камыль // Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. Москва: Наука, 2022. 870 с.
3. Гиппиус Е.В. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Москва: Советский композитор, 1980. Т. 1. 224 с.
4. Нартхэр. Адыгэ лыхъужь эпос. Нарты. Адыгский героический эпос. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1974. 415 с.
5. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. Москва: Радикс, 1994. 191 с.
6. Фонотека КБИГИ, № 12/1.
7. Фонотека КБИГИ, № 124/16.
8. Шортанов А.Т. Адыгская мифология / под ред. А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1982. 196 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gucheva A.V. Kartiny mira cherkesov (adygov): muzyka, tanec, slovo. Moskva: ООО «Научтехлитиздат», 2020. 216 s.
2. Gucheva A.V. Kamyl' // Adygi: Adygejcy. Kabardincy. Cherkesy. Shapsugi. In-t jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaia RAN; Kabardino-Balkarskij nauchnyj centr RAN; Adygejskij respublikanskij in-t gumanitarnyh issledovanij im. T.M. Kerasheva. Moskva: Nauka, 2022. 870 s.
3. Gippius E.V. Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov. Moskva: Sovetskij kompozitor, 1980. T. 1. 224 s.

4. Narthjer. Adygje llyh#uzh' jepos. Narty. Adygskij geroicheskij jepos. Moskva: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatele'stva Nauka, 1974. 415 s.
5. Toporova T.V. Semanticeskaja struktura drevnegermanskoj modeli mira. Moskva: Radiks, 1994. 191 s.
6. Fonoteka KBIGI, № 12/1.
7. Fonoteka KBIGI, № 124/16.
8. Shortanov A.T. Adygskaja mifologija / pod red. A.I. Alievoj. Nal'chik: Jel'brus, 1982. 196 s.

Поступила в редакцию: 12.12.2025.

Принята в печать: 30.01.2026.